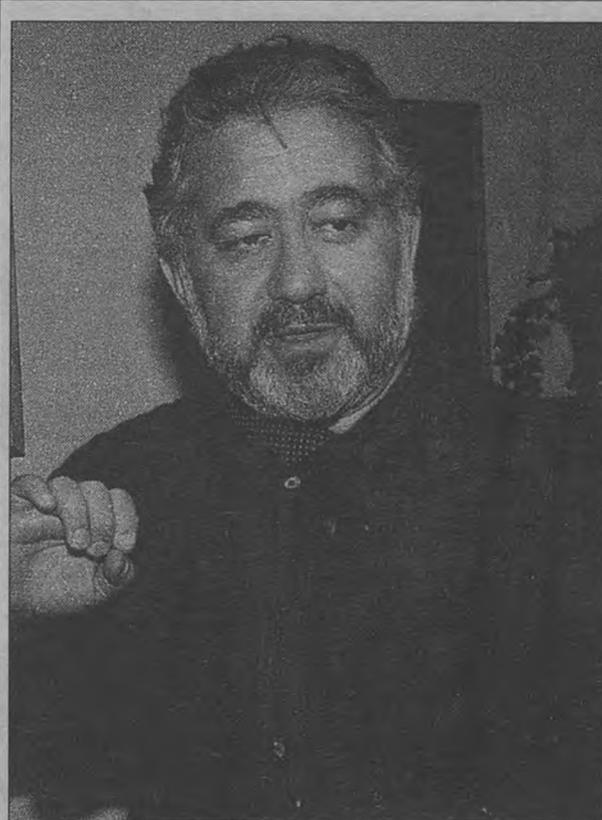

Недочитанные пророчества

С обретением титула «Театр Европы» Малый драматический не изменил своей главной репертуарной линии. Здесь любят и умеют читать русскую литературу: Тургенев, Достоевский, Чехов, Федор Абрамов. Сейчас труппа завершает работу над «Чевенгуром» Андрея Платонова. Это по существу первый опыт сценического

прочтения прозы одного из самых ярких русских писателей нашего столетия. Но пока наш разговор с художественным руководителем МДТ Львом Додичевым не о спектакле (им театр собирается открывать следующий сезон), а о литературе.

редине 1980-х. А во-вторых, только к концу века мы понимаем, насколько странные, почти физиологические ощущения Платонова есть пророчества о человеке.

— Платонов ведь прожил большую жизнь, чтобы не сказать, несколько жизней. Построил сотни плотин, несколько электростанций, будучи мелиоратором, осушил сотни тысяч десятин земли. Писать начал в 19-м, создал десятки повестей и романов, а умер в безвестности, в 1951 году, как бы целиком вписавшись в сталинскую эпоху.

— Судя по воспоминаниям, Платонов был вполне советским человеком, истово веровавшим в советский уклад. Он никогда не претендовал на роль пророка. И не был повинен в том, что Сталин на одном из его ранних рассказов написал: «Сволочь!» Но в том-то и сила писательского дара, его природность, «физиологичность», что когда ты начинаешь писать, то пишешь не только ты, пишешь что-то в тебе, помимо тебя. Несмотря на жесточайшие гонения, на испытания и ненависть к нему советской системы, он был истовым коммунистом. Он действительно верил в то, что коммунизм это синоним Рая на земле. И именно вера давала ему право писать все то, во что он верил, что он чувствовал. А в результате рождались картины, почти босховские по своей живописной гармоничности несочетаемого. Картины, прекрасные в своей ужасности и неотвратимости.

— И прежде всего — «Чевенгур». Вы называете его главной книгой, хотя написана она двадцатисемилетним человеком, впереди у которого были еще и «Котлован», и «Второго», и «Джан», и «Ювенильное море»...

— Платонов называл «Чевенгур» путешествием с открытым сердцем. Это, действительно, полное добра и любви путешествие по человеческой боли и человеческому горю, которое дает возможность совершаться самым трагическим выводам о том, что есть человек, куда он стремится и как оборачиваются все его лучшие помыслы. И почему вечная борьба с вечной несправед-

ции. Произведения Платонова слишком необычны и слишком литературны. Поэтому мы сочиняли не эпическое историко-революционное повествование, а нечто, скорее похожее на пьесу. В жанре «по прочтении романа» использовали мотивы «Чевенгура» и других произведений. Другое дело, что он многое называет своими именами. И когда пишет: «Человек ел тело курицы» — это звучит довольно странно. Наш обыденный язык многое умалчивает. Мы предпочитаем говорить, что едим курицу или «ножки Буша». А он, почти как тунгусский певец, — что видит, то и поет. И сразу возникает не только момент события, но и момент этический, философский, бытийный. Таким образом его фраза — и в этом, может быть, главная сложность общения с прозой Платонова, — сама по себе становится событием. И когда мы столкнулись с этим, то поняли, что не история важна, не сюжет, а прежде всего — слово.

Платонов сам столько горя испил, столько познал, что он уже ничего не боится. Он не боится заглянуть не только в душу человека, но и в тело человека. Когда он пишет, например, сцену родов, увиденную глазами маленького Саши Дванова, то понятно, откуда у ребенка вдруг возникает «едкая теплота позора за взрослых» — «он сразу потерял любовь к ним и почувствовал свое одиночество». Это бесстрашие Платонова заставляет задуматься над вещами общечеловеческими: как непросто человеку, который из пепла и мук возникает, и который на муки и пепел обречен. Это не просто следование философскому учению Николая Федорова, это некая внутренняя потребность писателя проследить весь круг человека — от начала до конца и даже от конца к началу. Тяга к жизни и к смерти в человеке неизбежна, иначе бы не была так тяжела его жизнь и так непроста его смерть.

Я не знаю другого советского писателя, который бы так серьезно, глубоко и мужественно исследовал человека. При том, что это стало происходить у Платонова на сверхсознательном уровне. Любая деталь его текста всегда многозначна. Я недавно перечитал незаконченный роман «Москва». Там есть замечательные страницы! Девочке приснился бегущий человек с факелом, она просыпается от шума и понимает, что его убили. А наутро узнает, что случилась революция. Так начинается роман. Платонов искал варианты начала, и видно, что в итоге он отобрал самый точный, самый страшный и самый антиреволюционный. Хотя весь роман пропитан пафосом новой, революционной Москвы. И в то же время — тем ужасом несвободы, который несет это новое человеку.

— Платоновский опыт трагического постижения мира необычайно созвучен нашему сегодняшнему мироощущению. Однако, если мы до сих пор не прочли толком ни Толстого, ни Достоевского, ни Чехова, есть ли надежда, что дойдет черед до Платонова?

— Слово не растворяется в воздухе бесследно, рукописи не горят, но, к сожалению, влияя не так прямо и не так быстро, как нам хотелось бы. В какой-то мере мы и затеяли нашу постановку именно затем, чтобы было услышано слово Платонова, его размышления. Конечно, это уже и наши размышления — я не могу ругаться за достоверность перевода. Все в духовном мире происходит странно и не впрямую. Платонов, ко всему прочему, один из первых великих абсурдистов XX века. Во-первых, потому что описал один из величайших абсурдов современности, во-вторых, потому что умел увидеть абсурд в любом слове, явлении, поступке. Так, его герой наивно удивляется — «текущий момент» надо же, момент, но течет! Беккет, конечно, не читал Платонова, но мы не знаем, как передаются в духовном пространстве мысли, идеи. Оруэлл тоже, наверное, не знал о существовании Платонова, но сегодня, когда мы берем в руки «Скотный двор», то именно благодаря школе Платонова понимаем, насколько это серьезно, глубоко и страшно. Поэтому я надеюсь, что Платонов все-таки будет прочитан и прочувствован. Чтобы мы все не ушли, как он говорил, «в безысходные пространства».